

НАДЕЖДА и НИКОЛАЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ ЦЕНТРПОЛИГРАФ
ЗОРИНЫ

НЕПОЙМАННЫЙ
ДОЖДЬ

Николай Зорин
Непойманный дождь

«Центрполиграф»

2009

Зорин Н.

Непойманный дождь / Н. Зорин — «Центрполиграф», 2009

Программисту Ефиму Долинину удалось изобрести уникальную программу «Нострадамус», таящую в себе огромные возможности. Иная реальность проникла в его жизнь: Долинин осознал кошмар виртуального пространства, когда неожиданно стал свидетелем двух убийств, которые по неопровержимым доказательствам произошли полгода назад. Ефим оказался в абсурдной и опасной ситуации, которая затягивала его, словно тряпина... Под силу ли измученному сознанию бывшего компьютерного шамана разгадать хитроумный код затеянной с ним игры, смерть в которой нисколько не виртуальна?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Надежда Зорина, Николай Зорин

Непойманный дождь

Роман

Пролог

Телефон я отключил. Но они придумали новую штуку – звонить в дверь. Позвонят, позвонят и уйдут. Я понимаю, что уйдут, но от работы страшно отвлекает.

А впрочем, как знать? Может, однажды и не уйдут – с каждым днем они становятся все настойчивее.

Душно. Совершенно нечем дышать, но окно я держу закрытым. Мне все кажется, что кто-нибудь из особенно настойчивых визитеров спустится по веревке с крыши прямо ко мне в квартиру. Компьютер тяжело дышит, как больной в лихорадке. Я тоже дышу тяжело. Все время хочется пить. Разгоряченным лбом прислоняюсь к его холодному гладкому лбу, пытаюсь вобрать его мысли, впустить их в себя. Не получается. Мне не решить этой задачи! Да еще звонки... И страх, что они все же однажды ворвутся. И тот, другой страх.

Снова звонки. Ну что им нейдет? Мне нужно успеть завершить... Ведь это просто моя работа: успеть найти решение – довершить.

Ушли, замолчали – ночь наступила. Ночью они оставляют меня в покое. Ночью приходит другой. Как только стемнеет, как только я включу свет – он появляется в моем незанавешенном окне. Заросший, небритый, с дикими глазами – он сумасшедший. Поначалу я боялся его, ведь не знаешь, что придет сумасшедшему в голову. Да... боялся. Но потом ничего, привык. Он тоже решает и не может найти решения, голова его подергивается в такт клавишам... Время от времени отрывается от своей многосложной работы, чтобы посмотреть, как продвигаются дела у меня. Он уверен, что первым найдет решение. Может, и найдет. Ведь его не отвлекают звонки, ему не нужно есть, пить... Есть мне тоже уже не нужно, но жажда мучает страшно. Меня все время мучает жажда! А вода... А до воды... Вода в холодильнике. А холодильник на кухне. А кухня... Нужно пройти через прихожую, чтобы попасть на кухню. Ну да, это мой главный страх и есть. Потому что в прихожей... Там, в прихожей... Он живет в зеркале! Злобная тварь! Красноглазый, свирепый, лохматый. Он никогда не спит. Он хочет, чтобы я умер от жажды. Иногда мне кажется, что в нем-то все дело, это из-за него моя задача не обретает решения.

Впрочем, дело не в нем. У этой задачи просто нет решения – я загнал себя в ловушку, невозможно постичь непостижимое, вывести закономерность из отсутствия всякой закономерности.

Возможно. Нужно начать все сначала. Принести с кухни как можно больше воды и начать все сначала. Проскользнуть мимо... И начать все сначала.

Мой компьютер взорвется. И голова моя взорвется. Нет решения у этой задачи. Призрак в окне, небритый и дикий, жадно поглощает воду из бутылки. Оказывается, и он мучается жаждой. Мы с ним пьем в унисон, работаем в унисон, стучим по клавишам в унисон. Кто из нас первым найдет решение? Он, безусловно, он. Жадно закуривает. Разве он забыл, что нельзя курить в комнате, где компьютер, тем более при закрытом наглухо окне? В моей руке тоже сигарета... Значит, и я забыл?

Нужно спешить – скоро настанет утро, и опять начнутся звонки. Нужно спешить – однажды они ворвутся. У соперника моего в окне такой человеческий взгляд, пусть сумасшедший...

Человеческий взгляд... Вот и решение! Вот он, правильный путь, который я так долго безуспешно искал! Сухие расчеты – конечно, ошибка, у этой программы должна быть душа. Человеческая душа. Душа мудрого сумасшедшего. Формула времени, формула жизни без человеческой личности – просто бессмысленные абстракции. Как математика без философии. Нужно начать все сначала.

Найдено! Есть! Решение выглядит как чистое безумие. Но, кажется, есть! Осталось проверить...

Снова звонки. Позвонят и уйдут. Призрак тает в окне, кончается ночь. Как же они мешают! Не сходится! Снова ошибка! Мне не решить, никогда не решить... Не уходят, звонят. Нужно пойти новым путем, принципиально новым.

Я знаю, я близок, бледнеющий брат мой тоже, кажется, нашел решение. Но не уходят, звонят. Пусть перестанут звонить! Они не имеют права – еще не наступило полноценное утро. Ночью они никогда...

Дверь выбивают. Теперь не успеть. А впрочем, выломать дверь, не так-то и просто. Прочность дерева прямо пропорциональна времени выбивания. Время прямо пропорционально жизни решения...

Выбили. Ворвались. Шаги и голоса загрохотали в комнате. Монитор погас. Времени не хватило, совсем чуть-чуть не хватило. Бессмысленно просить, бессмысленно кричать, рваться бессмысленно – не сбежать, держат крепко. Мой поблекший собрат не успел скрыться в утро, его тоже схватили – и, значит, задача решена не будет.

Глава 1

От темноты к свету (Ефим Долинин)

Темнота, боль и ужас. Вот что было вначале. И голос, спокойный и добрый, который обещал, что вот-вот все закончится, казался мне лживым. Я не верил ему. Я его ненавидел, так ненавидел, что темнело в глазах, а боль превращалась в боль абсолютную. Мне снились ужасные сны.

Я не знаю, когда вдруг все изменилось. Помню только, что голос не оставлял меня ни на минуту, звучал и звучал. Но с какого-то момента я стал ему верить. Тьма, боль и ужас постепенно рассеялись.

А когда рассеялись окончательно, я вернулся домой. Заново рожденным. Чудом спасенным. Обретшим новую жизнь. С накрепко вбитыми – нет, принятыми добровольно – истинами. Компьютер – самое большое для человеческой психики зло, программирование – худшая из профессий. Я в это верю, свято верю, и никто никогда не заставит меня изменить свое мнение. Я помню – был болен: темнота, боль и ужас. Я знаю, твердо знаю: чтобы опять не потерять себя, нужно жить простой здоровой жизнью: побольше бывать на свежем воздухе, общаться с людьми, заботиться о своих близких, влюбляться в девушек и ни о чем не думать. Да, главное – голова должна быть совершенно свободна. Мозг дан человеку для того, чтобы видеть, слышать, дышать, двигаться, но ни в коем случае не думать. Думать – огромное зло, почти такое же, как привязанность к компьютеру.

Я научился не думать. Поначалу это было очень трудно, но потом ничего, научился. Мои близкие, о которых я должен заботиться, позаботились обо мне – нашли мне подходящую работу: курьером в почтовой службе. Разношу курьерскую почту – пакеты, большие и маленькие, совершаю свой простой путь. Побольше двигаться на свежем воздухе, побольше двигаться. Я двигаюсь. И общаюсь с людьми: здравствуйте, вам заказное письмо, распишитесь, пожалуйста, до свидания. Нельзя закрываться в себе, открытые пространства жизни – истинное благо, данное человеку. Наши предки не закрывались в своих квартирах наедине с компьютерами и оттого были здоровы и счастливы. А как известно, каждый человек должен – нет, просто обязан! – стремиться к своему счастью. Я и стремлюсь. Хожу по адресам, разношу пакеты – и обретаю счастье.

От прошлой, нездоровой, противоестественной жизни у меня ничего не осталось. Если не считать раздраженной сетчатки глаз и, как следствие, непереносимости яркого света. Но с этим легко справиться – я просто постоянно ношу солнцезащитные очки. Приглушенные тона жизни – полутона, вернее, недотона – еще одна суть моего нового бытия. Все правильно: мир не должен быть слишком ярким, как цвета на экране, это приводит... Лучше не думать, к чему это приводит, не вспоминать. Разносить пакеты, побольше двигаться на свежем воздухе и не вспоминать. Все неизрасходованные силы своей души положить на заботу о близких – мать, сестра, им действительно нужна моя забота – мама так устает, а сестренка очень больна. Хорошо бы еще влюбиться в какую-нибудь девушку, но чего нет, того нет. Пока нет, может, когда-нибудь обрету и это – смогу обрести.

Но главное – ходить и дышать. И не возвращаться в прошлое. Прошлое – ужас и кошмар, туда вход закрыт. Ходить, и дышать, и общаться: здравствуйте, получите письмо, распишитесь. Дружелюбная улыбка, открытый взгляд... Открытый взгляд не совсем получается, мой взгляд закрывают очки. Но это ничего, улыбка искупит. Какая прекрасная работа – разносить почту!

Недавно у нас было собрание – обсуждалась какая-то простая проблема. Мы говорили, мы выступали, всем коллективом решали эту простую задачу – и разрешили, все вместе.

Собрание проходило в кабинете заведующей, прекрасный, уютный кабинет, все было так здорово, но тут... Я его обнаружил не сразу, не сразу взглядом натолкнулся. Странно, почему не сразу? Но когда натолкнулся, все было испорчено. Я не смог сделать вид, что этот монстр из прошлого не имеет ко мне никакого отношения – никогда не имел, раз прошлое забыто. Я не смог абстрагироваться, струсил, сбежал! Пришлось потом объяснить, что пошла носом кровь, что от духоты со мной такое бывает. У меня никогда не шла носом кровь!

На следующий день мне дали пакеты, как будто ничего не произошло. Как я был им благодарен!

А впрочем, нужно привыкнуть и к этому. Они, эти монстры, повсюду. Даже на нашей почте их тьма. Иногда мне хочется заразить... нет, разбить все компьютеры мира, молотком сокрушить. Я боюсь их. Ну, не их, а того, что однажды не преодолею искушения – вернуться в прошлое. Не всегда ведь мне нравится работа курьера.

Не вернусь! Там темнота, боль и ужас. Я сделаю вид, что родился курьером, что не имею к этим монстрам никакого отношения, да и пользоваться не умею, как не умею управлять самолетом. Я просто работник курьерской почты, в черных очках, в униформе, с бейджиком на груди: «Ефим Долинин. Почта России». Я...

Был и еще один страшный момент, но тогда все обошлось. Из клиники меня забрала мама и привезла в мою квартиру. Мы ехали в такси, я не смотрел на нее, сидел, уставившись в окно, и думал, что везет она меня к себе, что жить мы теперь будем вдвоем и что возникнет много сложностей, но это ничего, как-нибудь друг к другу притремся, все будет так, как два года назад: я стану гулять с Тоней, заваривать чай к приходу мамы... Но она привезла меня домой. Вот тут-то и наступил тот страшный момент.

Небо в тот день было серое, накрапывал дождь. Мы вышли из машины. Долго и тяжело поднимались по лестнице на мой пятый этаж. На двери белела заплатка из нового дерева, замок щелкнул незнакомо – тот, старый, всегда немного заедал... Но все обошлось, все обошлось. Я захотел умереть, но, к счастью, все обошлось. В моей квартире ничто не напоминало... В прихожей не висело больше зеркало, а в комнате... Его унесли, убрали. Стол остался, а его унесли – стол превратился в простой письменный.

И еще на окнах появились шторы. А через неделю я стал курьером.

* * *

Моя новая жизнь абсолютно лишена свободного времени, все рассчитано по минутам, и каждая несет в себе лечебную полезность. Словно бывшего наркомана, меня ведут по четко выстроенному распорядку дня, лишь бы не возникло пустоты, незаполненного пространства, во время которого я мог бы сорваться – задуматься. Все участвуют в насыщении графика моего дня: мама, мой друг Алекс и даже младшая сестренка Тоня. Утро начинается со звонка мамы: «Фима, вставай, не забудь позавтракать, не опоздай на работу». И я встаю, послушно завтракаю, отправляюсь разносить заказные письма. В пять работа заканчивается, я еду гулять с Тоней, потому что вчера она взяла с меня твердое обещание, почти клятву – и это тоже своеобразная тактика с ее стороны. Она понимает, что теперь, когда я здесь, внутри жизни, когда вижу ее страдания, ее беспомощность, отказать не смогу. И чуть-чуть на этом спекулирует. Ради меня спекулирует. Ради моего психического здоровья своим физическим нездоровьем. И притворяется наивной и маленькой, младше своих вполне зрелых двенадцати, нарочито восторгаясь обезьянкам в зоопарке, капризничая у клетки с пантерой: «Еще немного постоим, я не хочу уходить, еще немного»; шумно радуясь сахарной вате на палочке. Шесть последних лет она провела в инвалидной коляске – она не может, по определению не может быть такой маленькой дурочкой. Тоня прекрасно понимает, что я это понимаю, но делаю вид, что верю, а она в свою очередь продолжает, притворяясь, восторгаться.

Вечером снова мамина очередь – наступает время трудотерапии. Чуть ли не на следующий день по выходе из клиники она мне сделала очень «полезный» подарок – набор инструментов в ярко-синем блестящем чемоданчике, мечту начинающего сантехника.

– Фим, что-то опять кран в ванной протекает, ты бы не мог посмотреть?

Я не отказываюсь, я смотрю, меняю абсолютно целую прокладку на такую же целую. Я соглашаюсь, что у меня золотые руки, и хочу, в самом деле хочу получать от процесса работы и ее результата удовольствие: кран не течет – как здорово!

– Фимочка, вода в раковине на кухне что-то плохо уходит, ты бы не мог посмотреть?

Вооружаюсь вантузом и смотрю. Вода уходит прекрасно, но я озабоченно прищелкиваю языком, качаю головой, со знанием дела отвинчиваю «колесо»... Мышцы мои наливаются силой – вот она, радость труда! Я не отказываюсь принимать участие в лечебных трудопроцедурах.

– Фима, карниз в большой комнате вроде покосился, боюсь, как бы не упал однажды, когда будем задерживать шторы, посмотри, пожалуйста.

Я смотрю, вытаскиваю из кладовки стремянку, достаю из своего чудо-чемоданчика молоток... С карнизом тоже все в порядке, но разве я могу отказать маме, разве я могу отказаться от того, что мне так полезно, разве я враг себе и своим близким? Я не отказываюсь, обозреваю результаты труда и пытаюсь, изо всех сил пытаюсь радоваться жизни, простой правильной жизни.

Переделав все возможные хозяйственные дела, я наконец отправляюсь домой. Но и поздний вечер мой заполнен полезными мероприятиями. Сначала я готовлю себе ужин: в моей новой жизни нет больше места перекусам. Потом ем, а не просто питаюсь, не просто поддерживаю свои жизненные силы, а стараюсь получить наслаждение. После ужина выкуриваю сигарету, хорошую, дорогую, почти безвредную, но очень вкусную. Не спеша, гурманствуя выкуриваю. Мою посуду, прибираю на кухне, принимаю душ, ложусь в постель – на столике у кровати меня дожидается книга – полезная, нужная книга. «Война и мир». В моей прошлой неправильной жизни ей не нашлось места. В школе я тоже не смог ее одолеть, тогда она меня просто взбесила. А теперь вот читаю и радуюсь, дошел уже до сорок пятой страницы третьего тома. Под Толстого я засыпаю, чтобы проснуться утром под мамин звонок.

Так проходит рабочая неделя, а в выходные заступает на свой пост Алекс, проявляя лучшие качества верного друга. Он тоже озабочен моей реабилитацией, не меньше других озабочен. Мне кажется, Алекс в стоворе с мамой, мне кажется, они все в стоворе. Для начала он тащит меня в какой-нибудь экзотический ресторан, пробуя зародить во мне здоровое человеческое обжорство. Я не отказываюсь, я и сам хочу его в себе зародить, но пока не получается: пицца, даже самая изысканная, остается для меня просто пищей: вкусно, но вот я и сыт, спасибо, больше не хочется; а ресторан, даже самый крутой, продолжает оставаться просто местом, где эту пищу принимают. Алекса такая постановка вопроса не устраивает, он продолжает бороться за мою душу. Он отыскивает в меню новые невероятные блюда. Он взывает к моим гормонам – за нашим столиком вдруг появляются девушки. Каждый раз я не успеваю заметить, в какой момент они там появляются. Где он их берет, черт его знает. Но гормоны молчат: секс как спортивное мероприятие меня не вдохновляет, а влюбленности пока не наступает. В результате Алекс со своей красоткой удаляется, не забыв подмигнуть мне напоследок: не теряйся, брат, действуй, а я... В общем, я теряюсь, не действую, вечер мой не переходит в продолжение. Я провожаю ее домой и возвращаюсь к себе. Наслаждаться Львом Николаевичем, проникаться величиной классика. Я ведь не против спасаться. Да, я хочу спастись, окончательно выздороветь.

Недавно я узнал, что мой компьютер перекочевал к Алексу. И не только мой, но и Тонин. Мама жутко испугалась, что зараза перейдет и на сестру, что и с ней однажды может произойти то же. Испугалась и приняла срочные меры – очистила от скверны дома своих детей, пресекла

все пути к отступлению. Все правильно, так и надо было. Я и сам теперь ярый враг этого дьявольского изобретения. Я боюсь, я... ей так благодарен. Только иногда становится тошно.

Глава 2

Курьер смерти (Ефим Долинин)

Я честно старался. Я положил все силы на то, чтобы жить по предписанию врача. Я смог так жить, и, даже когда из недр моей не до конца поправившейся души поднимался протест, я подавлял его. Но взбунтовалась действительность. И только тогда взбунтовался и я. Несмело, наполовину, да нет, лишь на треть. Я не бросил работу курьера и в квартире не заперся, но отказался от назойливой опеки моих близких. Не потому, что не захотел окончательно выздороветь, не потому, что решил вернуться в прошлое, не потому, что эта новая жизнь не по мне, работа курьера не по мне, чинить краны не по мне, – это по мне, по мне, я не враг себе, я все понимаю! – а потому, что мне нужно время, немного времени, для того чтобы решить... Разрешить наконец эту задачу: отчего вдруг взбунтовалась действительность, что все это значит. Что означает такой феномен: вы звоните в дом, вам не открывают, а между тем... Когда решу, разрешу, я успокоюсь и снова вернусь на путь истинный, на путь по двум рельсам. А пока...

Все началось с письма. С обыкновенного заказного письма – совсем по моей специальности. С обыкновенного заказного письма, которое я должен был доставить по самому обыкновенному адресу: Ильина, 37, самому обыкновенному получателю: Валуеву Анатолию Исаевичу. Подобных писем я разнес чертову прорву. Подойдя к Ильина, 37, я совсем не ожидал подвоха, позвонил, как обычно, в дверь... Открывать мне не торопились. Из почтового ящика торчала газета, в глубине дома лаяла собака, а дверь не открывалась. Это был отдельно стоящий, очень уютный на вид двухэтажный особнячок, ни одного жилого дома вокруг, только офисы. Я позвонил снова и, так и не дождавшись хозяев, пошел восвояси. Что ж, никого нет, придется наведаться позже. Но и позже, около пяти, я так никого и не застал.

На следующий день я получил новый пакет на этот же адрес, на то же имя и, чтобы не терять зря времени, решил подъехать туда сразу с двумя письмами к семи часам – видно, хозяев раньше дома не бывает. Еще издали я увидел, что в окнах горит свет, а когда подошел ближе, услышал музыку: кто-то играл на фортепьяно. Позвонил, обнадеженный светом и звуками. Никто не отозвался, музыка, вопреки ожиданиям, не оборвалась. Детский голос закричал что-то из другой комнаты дома, взрослый, мужской, прокашлявшись, ему ответил. Я позвонил снова. Застучал мяч по полу, весело твякнула собака – никакого внимания на звонок. Я вдавил кнопку до отказа. С небольшими перерывами давил минут пять. Дом на меня не реагировал, дом продолжал жить своей семейной вечерней жизнью: музыка (мать, вероятно), ребенок играет с собакой, отец (вероятно, Валуев Анатолий Исаевич) наблюдает игру, время от времени подавая реплики. Может, звонок испорчен? Но я слышу его. Я слышу, а они почему-то нет. Бросить письма в почтовый ящик, подделать подпись в квитанции, послать к черту этот странный дом? Самое правильное решение. Но я его почему-то отверг с негодованием и упрямо продолжал давить на кнопку звонка.

Так не бывает. Если люди не хотят открыть дверь, они затаиваются, затихают, делают вид, что их попросту нет, а эти хоть бы бровью повели: музыка играет и играет, ребенок, собака, мужчина... Я заколотил в дверь кулаком, подергал ручку – закрыто, – а музыка даже не сбилась с первоначального темпа. Завтра приду, обязательно завтра приду.

Назавтра был третий пакет. Ровно в семь (рабочий день два часа как закончился) я стоял на крыльце этого дома призраков. Музыка сегодня не звучала, женщина с кем-то разговаривала по телефону, работал телевизор – отец с сыном смотрели футбольный матч. Ненавижу футбол! На мои настойчивые звонки так никто и не прореагировал.

Ночью я вскрыл все три конверта.

Подушечки моих пальцев словно покусывают невидимые насекомые, и я никак не могу от них отделаться. Неприятное ощущение. Пытаясь стряхнуть этих фантомных тварей, я наигрываю несуществующую мелодию на несуществующем инструменте, будто одержимый музыкант, у которого внезапно из-под рук пропало фортепьяно, а он не может остановиться. Я играю на гладкой поверхности стола, на заплаканном окне, на подоконнике в кухне. Перемещаюсь по квартире и не могу унять бег своих пальцев. Я просто курьер, я честно хотел начать новую жизнь, всеми силами своей покореженной души желал спастись. Но вскрыл конверты – и спасение сделалось невозможным. В этих конвертах была переписка. В первом письме задавались вопросы, второе, удовлетворенное ответами, задавало новые, третье благодарило... Создавалось впечатление, что адресат получил оба первых письма. Получил, расписался. Но дверь не открыли, не доставил я писем! И вот же они, здесь, у меня.

Пальцы наигрывают, помимо моей воли наигрывают неведомую мелодию. Она звучала в тот, первый вечер. Я не помню, что это за мелодия, когда-то я ее слышал, давно, может, по радио, в детстве. В моем детстве всегда звучало радио, папа любил его слушать, а потом он умер, и радио умерло. Я не знаю, что это за мелодия, но пальцы наигрывают. Перемещаюсь в комнату, там, на столе – письменном, а раньше... – лежат незаконно распечатанные конверты – переписка. Перечитываю. В который раз перечитываю? Скоро кончится ночь. «Уважаемый Анатолий Исаевич! Комиссия рассмотрела Ваше предложение. Конкурс юных скрипачей действительно удобнее проводить в большом зале филармонии вашего города. Но как вы организуете распределение мест...» – из письма первого. «Комиссия согласна с предложенным Вами распределением мест, но остается неясным состав жюри. Не все предложенные Вами кандидатуры отвечают требованиям предстоящего мероприятия... Если Вы замените третий и пятый номера списка, комиссия снова рассмотрит...» – из второго письма. «Сообщаем Вам, что комиссия утвердила новых кандидатов в члены жюри. Благодарим за проделанную работу...» – из письма треть его. Зачем я их распечатал, зачем прочитал? Пальцы бегают по невидимым клавишам – я не доставил этих писем адресату, он, Валуев Анатолий Исаевич, их не мог прочитать, но вот переписка. Да он и не успел бы ответить, никакие заказные письма так быстро не доходят! Принимаюсь перечитывать заново, может, я что-то неправильно понял? Нет, все правильно, все так и есть, что же мне делать дальше? Притворяться обычным курьером больше ведь не получится.

Утро. Через два часа мне выходить на работу, через час примерно позвонит мама, а я так и не решил, как теперь стану жить.

Спрятать письма и забыть, спокойно продолжать свой простой путь.

В половине восьмого вечера я стоял на крыльце дома 37 с четвертым письмом. Все было как в первый вечер: музыка, мячик, ребенок, собака, мужское покашливание. Позвонил для проформы, прекрасно зная, что мне не откроют. Подождал для проформы – не открыли. Обогнув дом, я стал проверять окна первого, темного этажа. Одно из них оказалось не запертым, лишь прикрытым. Толкнул раму, подтянулся на руках и оказался в комнате, судя по запаху давно нежилой. Щелкнул зажигалкой – да, обыкновенная комната: шкаф, стол, маленький диванчик, у стены стулья в ряд, на полу ковер. Здесь музыка была не слышна, и никаких других звуков не слышно – все это там, на втором этаже, у них, наверное, прекрасная звукоизоляция. Осветил дверь, вышел в коридор – тишина и тоже темно. Направо лестница – мне туда. Вот сейчас поднимусь и все пойму.

Но и на втором этаже не было слышно ни звука, и здесь нигде не горел свет. Но я же ясно слышал и видел, когда стоял на крыльце! Комната, по моим расчетам, та самая, в которой пианино, тоже встретила меня тишиной и темнотой. Осветив зажигалкой стену, я нашел выключатель. Свет, наконец-то! Ну да, все правильно, я ничего не перепутал, вот пианино, вот те самые шторы на окнах, которые я видел с улицы. Но где же люди? Куда подевалась семья: мать, отец, ребенок и собака?

Я обошел весь дом, по ходу зажигая свет, но так никого и не встретил. В спальне супругов Валуевых обнаружилась незаправленная постель, в библиотеке на диване – собачий поводок, в детской на полу – тот самый мячик, а в кабинете Анатолия Исаевича... компьютер. Он стоял у самого окна, задней стенкой монитора упершись в подоконник. Я с трудом поборол искушение, чтобы его не включить, потому что мне вдруг показалось... со всей ясностью вдруг представилось, что с его помощью обязательно найду разрешение этой абсурдной ситуации. Но я поборол искушение. Я вспомнил, что просто курьер, моя задача – доставить письма, а все странности этого дома нисколько меня не касаются, и обиделся на судьбу, из глубины души опять поднялся протест, но я его подавил, достал письма и положил их на стол возле компьютера.

И тут прозвонил звонок. Я замер в ужасе. Звонок повторился. Залаяла собака, заиграла музыка – та самая мелодия на фортепьяно, из первого вечера, из сегодняшнего, из радио в детстве. Голос ребенка – я очень отчетливо это услышал – позвал отца, по лестнице прошумели шаги... Я прокрался к окну, слегка отдернув штору, выглянул. Крыльцо было хорошо освещено, на крыльце стоял человек – униформа, бейсболка, черные солнцезащитные очки, бейсболка белела на груди, в руке он держал конверт – курьер. Это я стоял на крыльце, я, которому никогда не откроют. Но шаги спустились по лестнице, шаги проследовали к двери, щелкнул замок. Я ясно услышал свой голос: «Здравствуйте, вам заказное письмо. Распишитесь, пожалуйста». Я не увидел того, кто его получил, но конверт переключивал из руки курьера в темноту дверной щели. Шаги поднялись по лестнице, шаги стали приближаться к кабинету, дернулась ручка двери, я бросился за портьеру, притаился, замер. Вот сейчас он войдет, вот сейчас он увидит.

Никто не вошел. Полыхнула молния за окном – начало октября, сезон гроз давно прошел! – раздался страшный человеческий крик, стук грузного тела об пол, и только после этого прогремел гром.

* * *

Я не знаю, как оказался на улице, не помню, забыл. Вероятно, выбрался через то же окно, через которое проник в дом. Говорят, в детстве, до шестилетнего возраста, я страдал лунатизмом. Я иду, нет, бегу по улице. Сколько времени я так бегу? Безлюдно, темно, накрапывает дождь – в тот день, когда я вернулся из клиники, тоже шел дождь, мелкий и безнадежный, точь-в-точь как сейчас. Редкие фонари горят тускло, в голове звучит музыка, невозможно отделаться. Закричать, заплакать, разрыдаться? Не поможет, ничто мне теперь не поможет. Как прекрасно быть просто курьером, но я не смог, не смогу. Совершенно незнакомая улица, куда мне теперь идти, как выбраться отсюда? А в голове звучит и звучит... Гроз в октябре не бывает. Мне не справиться с взбунтовавшейся действительностью. Может, если бы я поддался искушению, если бы включил компьютер, решение было бы найдено? Зачем я им поверил, зачем так неукоснительно исполнял все их предписания? Может, уже наступила ночь? Ветер. Дождь в лицо. Я заблудился. И в голове все звучит. Не думать о том, что произошло в этом доме, да мне вообще нельзя думать, так и врач говорил. Я работник курьерской почты, я просто исполнял свои обязанности – разносил заказные письма. По адресу Ильина, 37 пришло сразу четыре письма, я отнес их, доставил в целости, я видел, как я их вручил: подошел к дому, звучала музыка, позвонил в дверь, залаяла собака – большая собака, судя по поводку в библиотеке, – по лестнице загремели шаги, дверь приоткрылась. Курьер в униформе, с бейсболкой на груди, в бейсболке и черных очках – я – их вручил и попросил расписаться в квитанции. Пришлось задержаться после работы, потому что хозяев застать можно только вечером, после семи.

Фонари погустели, дождь стал стихать. Улица оживилась. Я вышел, я почти спасся. Однажды меня спасли, а сегодня я сам спасся. Вывеска. Переливается разноцветными огнями

– бар «Загляни». Загляну. Это то, что мне нужно. Горячий кофе. Нет, лучше немного спиртного. Продрогший работник курьерской почты желает согреться.

Крепких напитков не оказалось, только пиво разнообразных сортов и оттенков. И к нему большой выбор рыбных закусок. Рыбу я не люблю. Заказал себе «Клинское». Принесли большой запотевший бокал, от одного только взгляда на него мне стало еще холоднее. Кажется, здесь не курят – воздух чистый, и на столе нет пепельницы. Выпить пиво и уйти поскорее.

Зачем я вообще сюда зашел? Мне нужно домой. Все вышло не так, я ошибся. Завтра рано вставать, работа моя тяжелая – весь день на ногах, весь день на людях, от переизбытка свежего воздуха постоянно горит лицо.

– Разрешите?

Вздвогнув от неожиданности, я поднял голову. Женщина. Подсаживается за мой столик, не дожидаясь разрешения. Спросила для проформы, как я там, сегодня, звонил для проформы, понимая, что все равно не откроют; подсаживается без разрешения, понимая, что не отвечу. Но может, я бы и ответил. Смотрит на меня, не могу понять выражения ее лица, но смотрит так, как будто меня знает. Я не знаю ее!

– Ну и что вы теперь намерены делать?

– Я?!

Боже мой, о чем она? И почему так смотрит? Не она ли играла на фортепьяно?

– Вы пианистка?

– Нет, что вы! – Засмеялась, махнула рукой, словно тоже не согласна со своим настоящим и его презирает. – Я работаю в библиотеке. Впрочем, это совершенно не важно. Я просто хочу знать, что вы собираетесь делать дальше?

– Я не понимаю.

– Оставьте! – Снова махнула рукой, но уже совсем с другой интонацией. – Я вхожу в ваше положение, но... Только не нужно делать вид, что вы совсем ничего не помните. Во всяком случае, если и забыли, то теперь должны были вспомнить обязательно. Клин клином, как говорится. – Она опять засмеялась, зло, недоброжелательно, почти угрожающе. Чего она от меня хочет, чего добивается? Мне становится жутко, как там, за портьерой.

– Но я действительно... – оправдываясь, начинаю я и сознаю, что она мне не верит и никогда не поверит и в этом почему-то права.

– Я даже согласна допустить, что некоторые детали затерлись, особенно после той обработки, которой вас подвергли, но... Вы должны, вы просто обязаны, слышите?!

– У вас есть сын? – поддавливаю я ее: вот сейчас она растеряется от моей пронизательности и выдаст себя, и мне станет ясно, она или нет играла на фортепьяно.

– У меня дочь.

Хорошо, пусть дочь, девочка лет восьми, в мяч с собакой может играть и девочка.

– Вы очень красивая женщина. – Compliment вырвался неожиданно для меня самого, черт его знает почему. – Сколько лет вашей дочке?

– Девять.

– А моей сестренке двенадцать. Она очень больна.

Я ловлю себя на мысли, что хочу рассказать ей о Тонечке, о той аварии, которая произошла шесть лет назад, о смерти отца, о том ужасе, который пережили мы с мамой. Не для того, чтобы расположить ее к себе, не для того, чтобы вывести на чистую воду, а просто рассказать. И я начинаю, делаю вдох, покачиваю головой в такт своим воспоминаниям, но она меня обрывает:

– Ваша сестра совершенно ни при чем. – Нахмурилась, забарабанила пальцами по столу, как я барабанил сегодняшней ночью. У нас много общего. Сыграть на этом? Но она не дает мне сыграть. – Так я могу на вас рассчитывать?

– Можете. То есть... если вы объясните.

– Объяснять тут нечего, все и так ясно. – Поднялась решительно, открыла сумку. – Вот, возьмите. – Протянула мне через столик сложенную слегка пожелтевшую газету. – Всего доброго.

Твердой походкой, с чувством исполненного долга и, как мне показалось, с облегчением она прошла к выходу.

Не знаю, почему я не побежал за ней. Я успел бы ее догнать. Мои натренированные на курьерской работе ноги позволили бы это. Догнать, схватить за плечи, развернуть лицом к себе и спросить... нет, проорать возмущенно: «Какого черта?! Я вас не знаю. И вы не можете меня знать. Я просто курьер. В моей жизни нет ничего тайного и по определению быть не может. В моей жизни нет места работникам библиотеки, виртуозно играющим на фортепьяно».

Я остался, не побежал. Успел бы догнать, но не побежал. Потому что успел подумать. Мои натренированные прошлой жизнью мозги остановили меня. Доктор, мама, Алекс и даже Тоня – они все так хотели, чтобы я стал просто курьером, бездумным существом, зомбированным своей простой работой, но, слава богу, процесс еще не зашел далеко. Я еще в состоянии думать, хоть и очень старался стать идиотом, во благо себе, во благо близким. Мне не нужно ни за кем бежать. Эта странная женщина – продолжение этой странной истории, только и всего. Разобравшись с историей, я пойму и роль этой женщины. Надо только разобраться...

Я сжал в руке бокал с выдыхающимся пивом. Медленно, согревая во рту, выпил половину. Высокий фирменный бокал с лейблом «Клинское». Да ведь я заказал именно «Клинское», подсознательно отвечая на вопрос! Я вспомнил, не осознавая еще, когда заказывал, а теперь окончательно вспомнил: она играла «Белые ночи» Чайковского, пятую пьесу из «Времен года» – май.

Май, а сейчас октябрь – не по сезону песенка! Означает это что-нибудь или нет или просто случайный выбор, ну, например, из всего цикла ей нравятся именно «Белые ночи»? Лично я предпочел бы «Баркаролу», если на то пошло. Впрочем, дело вкуса.

Я отхлебнул «Клинского». Было и еще что-то, в ее словах было. Да, вот: клин клином. Случайная ассоциация с надписью на бокале или намек на какое-то таинственное происшествие, которое я забыл, но должен вспомнить, благодаря той странной ситуации вспомнить?

Мне нечего вспоминать, я и так все помню: моя прошлая жизнь была интересной и насыщенной, но привела к катастрофе – к ужасу, к болезни она привела, но никакие таинственные события в ней не имели места. Моя новая жизнь, неинтересная и ненасыщенная, но призванная привести к выздоровлению, к счастью и радости, уж тем более не имеет никаких тайн. Что же тогда эта женщина имела в виду?

Газета. Она оставила мне газету, перед тем как уйти. Я давно на нее смотрю и не решаюсь развернуть. Возможно, боюсь развернуть. Бьюсь над разгадкой, но боюсь получить ответ, понимая, что он, вероятней всего, в газете. Слегка пожелтевшей – конечно, из прошлого. Она, эта женщина, для того и приходила: ее слова сами по себе не имели никакого значения, они служили лишь поводом для того, чтобы оставить газету, вступлением к газетной статье. Пора получить ответ.

Я допил остаток пива залпом, пожалел, что здесь нельзя курить, и развернул газету.

Статья была обведена красным маркером. Она называлась «Молния-убийца». Я перевел дух и начал читать.

«14 мая в восемь часов вечера директор филармонии Валуев А. И. погиб в своем доме от удара молнии».

Я задохнулся, вскочил, снова сел. 14 мая, убит молнией, в своем доме, Валуев А. И. Почти пять месяцев назад. А сегодня... Я видел вспышку, я слышал крик, а затем падение тела, я слышал гром. Она, эта странная женщина, знала, что все это я видел и слышал. И не только знала, но и требовала, чтобы я что-то предпринял в связи с этим. Что я должен пред-

принять? Все, что мог, я предпринял: проник незаконно в дом, оставил письма. Мне нужно бежать отсюда, домой, к Толстому. Мне нужно срочно возвращаться в свою колею...

Но сначала дочитать статью. И рассмотреть фотографию, не прикрывать рукой, а посмотреть правде в глаза, ведь я же хочу разгадать... Ничего я не хочу!

Но должен.

Задыхаясь, перескакивая, не по порядку (начав с середины, вернувшись к врезке, где 14 мая в восемь часов), я прочитал статью. Я узнал, что, кроме хозяина дома, Валуева А. И., никто не пострадал: ни жена, ни его восьмилетний сын. Я узнал, что жена Валуева А. И. – пианистка (преподает в консерватории), что его любимец, сенбернар Людвиг, ни за что не хотел отойти от погибшего хозяина и возникли серьезные осложнения, когда уносили тело.

Я внезапно устал. Но нужно было еще рассмотреть фотографию. Чуть-чуть передохнуть и рассмотреть: всякое бывает в жизни, может, все это лишь совпадение.

Почти спокойно, только левая нога отбивала какой-то судорожный ритм, я еще раз, уже по порядку, перечитал статью, снял ладонь с фотографии и бесстрашно уставился на снимок. Семейство на фоне дома, собственного их дома – того самого дома. Валуев А. И. – слегка полноватый мужчина лет сорока, его жена – застенчиво улыбающаяся красавица (не моя сегодняшняя визави, к счастью, не она), мальчик, слишком маленький для своих восьми лет, похожий на мать, и преданный Людвиг.

Я перевернул газету – 17 мая текущего года. Статья по горячим следам, свежая информация. Но какое отношение я, сегодняшний, живущий в октябре, имею к этому событию? И какое имел я, прошлый, майский? Я не был знаком с этой семьей, не знал о ее существовании. Не я направил молнию... Черт, а вот тут-то... Нет, не может быть, ни при чем я здесь, ни при чем!

И все же почему-то эта женщина пришла именно ко мне, именно мне, а не кому-либо другому, передала статью. Именно со мной приключились все эти события, значит... Значит, я все же как-то замешан, значит, кто-то меня подозревает в том, что я как-то замешан, и эта женщина подозревает, значит, события, странные, мучительные своей неразгаданной абсурдностью, будут продолжаться. И не спасет честный, бесхитростный путь курьера, не спасут аккуратно выполняемые предписания врача, дружеская поддержка Алекса не спасет, мамина забота, наивные благотворительные хитрости Тони не спасут, ничто не спасет. Мне нужно бежать, не домой, а вообще бежать, из этого города, из своей жизни, прошлой и настоящей, из своей личности скорее бежать. Просто бежать, а куда, потом будет видно. У меня есть машина, сесть и уехать. Они не ожидают, что я вот так сразу сбегу, наверняка приготовились мучить и мучить, разрабатывать все новые сценарии мучения. А я вот так возьму и перехитрю их – просто сбегу.

Я поспешно вышел из бара, так поспешно, что охранник дернулся было меня остановить, но потом махнул рукой. Голова работала необыкновенно ясно, как сто лет уже не работала. Машина моя в гараже, для того чтобы добраться до него, нужно сесть на 24-й троллейбус. Ходит ли еще транспорт? Я включил телефон (в последние дни я его все больше держу выключенным), посмотрел на часы – половина одиннадцатого. Странно, мне казалось, что давно уже наступила ночь. Оглянулся, не следят ли за мной, и вышел к остановке.

Подождал троллейбуса. Я сел из осторожности впереди, поближе к водителю – чем черт не шутит: может, я не заметил, а за мной следят, может, нисколько и не перехитрил их, они ожидали побега и теперь... Что теперь, не знаю, но лучше не рисковать.

Выйдя из троллейбуса, я опять оглянулся и довольно долго петлял, запутывая следы. У гаражей не было ни души, мне стало жутко и как-то предсмертно тоскливо. Позвонить Алексу? Позвонить и ждать, когда он подъедет, торчать у гаражей, дожидаясь? Нет, так страшней и опасней: глухой район, безлюдная местность – прекрасная сцена для постановки новой дьявольской пьесы.

Замок защелкал ужасающе громко: раз, два, три. Дверь взвыла, призывая чудовищ. По спине заструились капли. Умирая от жуты, я заглянул в непроницаемый мрак гаража. Где-то справа на полке у меня был фонарик, где-то справа же, чуть выше был выключатель, а где-то в кармане зажигалка... Я не воспользовался ни одной из этих возможностей, на ощупь, не включая света, пробрался к машине, осторожно вывел ее, запер дверь, заставляя себя ни о чем не думать, ничего не представлять, и все же не переставая думать: будь что будет, неотступно представляя...

Все обошлось, все обошлось. Я выехал на трассу – пустую по ночному времени, за мной никто не следовал. Вероятно, я все же их перехитрил, они полагали, что из бара я отправлюсь напрямик домой, а завтра снова стану разносить письма. Вероятно, на этом был построен весь их дьявольский план, и они так в нем были уверены, что даже не посчитали нужным перестраховаться. Что ж, значит, я выиграл. Я буду ехать всю ночь, а потом затеряюсь в толпе.

Я мчал на предельной скорости – свободно скользил, но не получал от этого наслаждения: ехал для того, чтобы ехать, уехать как можно дальше, как можно быстрее. Пробегали деревни редкими огнями, но я не сбавлял скорости. Я только помнил, что наконец-то стал ясно мыслить, голова работает превосходно: вот разгадал же их план и смог перехитрить. У меня есть паспорт и немного денег, а главное – огромная фора во времени. Мчался, злорадствуя – радуясь и все же ужасно боясь, ожидая каждую минуту подвоха: выстрела в спину, внезапно вылетевшего неизвестно откуда грузовика. Временами мне представлялось, что в машине я не один: некто притаился на заднем сиденье, злорадствует – радуется, выжидает удобный момент, чтобы приставить нож. Или, что еще страшнее, разыграть новую сцену из якобы забытого мною прошлого. Мчался, радовался, боялся, не замечая, что черные очки мешают видеть дорогу, что козырек бейсболки заслоняет обзор, что окно приоткрыто и страшно дует, что трасса скользкая после дождя. А потом вдруг некстати вспомнилась авария. Отец, Тоня, невыносимо бугристый линолеум больничного коридора, когда сказали... когда приговор объявили... и страшный вой. Мама не умерла, справилась. Справилась и Тонечка. Мы все справились, смогли пережить. Я с головой ушел в компьютер. Мама ушла в свою работу. Тоня осталась дома одна. Мы так редко посещаем могилу на кладбище. Там всегда ветер и чаще, чем в городе, дождь. Странно, но эти воспоминания меня успокоили.

Я сбавил скорость. Понял, что замерз, и закрыл окно. А потом снял очки, снял бейсболку, вспомнил, что не ужинал, вспомнил, что предыдущую ночь не спал. Где-то по трассе должна быть гостиница. Небольшой, мрачноватый придорожный отель без названия. Года два назад я частенько проезжал мимо и все представлял, что гостиница эта невообразимо грязная, не гостиничному негостеприимная: хмурый, заспанный портье, необузданные комнаты, ободранные койки с панцирными сетками, скрипучие деревянные, давно вышедшие из моды стулья. И всегда, даже в жаркий летний день, там сыро и холодно. Остановиться в такой гостинице можно только от полной безысходности. Но сейчас я вдруг захотел там оказаться – невыносимо стало клонить в сон. И невольно прибавил скорости, но потом уговорил себя так не спешить. Во-первых, надо все заново обдумать, проанализировать события, произошедшие со мной, а в гостинице вряд ли это получится: хмурый портье, скрипучие стулья, ободранные койки... Во-вторых, голова моя хоть и работала ясно все это время, но, по-моему, я совершил ошибку, пустившись в бег. В-третьих... Было и третье, но вылетело из головы, совершенно вылетело, я так устал... Ну да, это и было третьим: в-третьих, я так устал, что справиться с машиной, несущейся на такой скорости, будет непросто. И потому... Я замедлил ход, совсем замедлил, пополз на скорости сорок километров. Фары скользили по мокрой дороге, голова начала отключаться, ее срочно требовалось взбодрить какой-нибудь веселенькой мыслью, чтобы сделать пригодной к анализу. Пока не доехал до гостиницы, пока не заскрипели стулья... как перья писарей... С тех пор как я стал сумасшедшим, не текут больше краны, гардина не грозит обрушиться, я узнал, что значит настоящая дружба, стал чуток к болезненным капризам сестры. Анализи-

руя прошлое, понял, что мокрая дорога опасна для водителя, как стоящий особняком дом для настойчивого курьера. Ассоциации тоже опасны: «Клинское» – клин клином – Чайковский. Все это требуется прояснить, пока дорога не кончилась... Пока не распустилась листва. Старое узловатое дерево, сплошь облепленное грачиными гнездами, как большими наростами. Нужно спешить – скоро настанет весна.

– Да, да, поспешите. – Женщина-библиотекарь, виртуозная пианистка, озабоченно кивает. – Пока не распустилась листва, вы должны сосчитать число гнезд. Сколько гнезд – столько писем. – На голове у нее ярко-красный берет, нелепый берет. Зачем она его надела, он очень ее портит! – Ну что же вы, начинайте! – Нетерпеливо махнула рукой в сторону дерева.

Указывая пальцем, как в раннем детстве, считаю, тороплюсь сосчитать, но все время сбиваюсь – раздражает ее красный берет.

– Ну, сколько вышло? – Качает беретом.

– Я больше не работаю курьером. Я очень устал. Зачем вы надели этот ужасный берет?

Загрустила, подперла рукой щеку, облокотившись о столик.

– У меня дедушка был красноармейцем, и потом, ведь весна наступает. А впрочем, все это не имеет значения. Сейчас главное – разобраться с письмами. Деревья весной зеленеют быстро, можно ведь и не успеть.

– Вы придаете этому слишком большое значение. Мы могли бы просто поговорить, как мужчина с женщиной, как человек с человеком, у нас немало общего.

– Читайте. – Устало вздохнула. – У нас разное прошлое. Вы должны его разрешить, а я только посыльный, курьер, если хотите.

– Курьер – я. А вы – красивая женщина. Дерево – это ведь только предлог к знакомству. Как ресторан с мексиканской кухней. Но сегодня я не потеряюсь, сегодня я готов действовать. Кажется, наступает влюбленность. Расплывчатая пока, но стоит сделать усилие... Голова кружится. Но стоит сделать усилие, для того чтобы раствориться, влюбиться... Сделать усилие, для того чтобы вернуться в жизнь... чтобы проснуться – скользкая ночная дорога так опасна для уставшего водителя...

Я проснулся от резкого толчка. Машина моя, оставленная без контроля, съехала с дороги. Я не пострадал, совсем не пострадал, только слегка ударился о руль головой – хорошо, что перед тем, как заснуть, снял очки. Сон все еще звучал в голове, и было как-то мутно на желудке. Я закурил, чтобы окончательно проснуться, выбрался из кювета и медленно, словно на ощупь в темной комнате, поехал дальше.

Вот тут-то я и увидел ее. Женщина, не из бара и не из моего сна, шла по дороге. Немолодая, довольно тучная, в летнем платье без рукавов. Неухоженные волосы собраны в какой-то наплевательский пучок. Что она делает ночью здесь, на дороге? До города километров тридцать, до ближайшего населенного пункта – не меньше двадцати. В летнем платье, без сумки, без зонтика. Смотрит прямо перед собой и идет себе по обочине дороги, но не как сомнамбула, а как человек, четко определивший цель.

Я остановил машину, опустил стекло, выглянул. Женщина прошла мимо, словно меня не заметив, сосредоточенно думая о чем-то своем, нахмутив брови. Да, очень немолодая, лет пятьдесят. Как странно! И никого, совсем никого на дороге.

Надо окликнуть, предложить повезти. Куда она идет? Куда вообще может идти, ночью, так не по сезону одетой? Ненормальное, невозможное что-то во всем этом.

– Женщина! Подождите! Эй!

Голос мой прозвучал почему-то фальшиво, неузнаваемо, будто не мой это голос, и потому показался зловещим. Женщина не остановилась, даже шаг не замедлила, не повернула головы, словно не слышала.

– Послушайте! – предпринял я новую попытку – из чистого упрямства перед все нарастающим ужасом: мне бы проехать и не вмешиваться. – Хотите, я вас подвезу?

Никакой реакции – идет и идет, сосредоточенно вышагивает по дороге.

Разозлившись – захлебнувшись ужасом, – я выскочил из машины и двинулся за ней.

– Подождите! Остановитесь! – На ходу я выдернул из кармана свое курьерское удостоверение, не знаю почему, у меня не было определенной мысли. – Приказываю остановиться! – суровым голосом, как в каком-то когда-то случайно подсмотренном фильме, выкрикнул и взмахнул удостоверением, красно-картонной книжечкой.

До нее оставалось совсем немного, не больше двух метров. Я задыхался, я страшно вспотел, в висках барабанила кровь... Я протянул руку, приготовившись схватить упрямую женщину, но нас разделяла еще пара метров...

Выстрел, так неожиданно раздавшийся, из темноты, из ниоткуда, совершенно меня оглушил, хоть и не был особенно громок. Женщина упала навзничь, словно игрушка в тире. Но я не бросился к ней, я присел на корточки, обхватил голову руками и дико, ужасно, пронзительно закричал.

* * *

Крик мне помог не сойти с ума. Крик испугал надвигающееся безумие и прогнал его. Он звучал и звучал в этой кошмарной ночи, пока не иссяк. И в наступившей тишине остался только обыкновенный человеческий ужас.

Я все продолжал сидеть на корточках и боялся хоть немного изменить свою позу, ведь в таком положении со мной ничего страшного пока не произошло: выстрел прозвучал только раз, выстрел не повторился. Может, это самое правильное решение – сидеть на корточках и ничего не предпринимать? Не делать резких движений, не провоцировать того, кто прячется там, в темноте? Он ждет, он, конечно, чего-то ждет от меня, и мне нельзя ошибиться.

Зачем ему понадобилась эта смерть, такая страшная в своей бессмысленности? Кто эта женщина, чем она могла накликать свою смерть? Обыкновенная, вполне заурядная женщина в таком необыкновенном, в таком неподходящем для нее месте. Куда она шла, какая у нее могла быть цель? В легком платье без рукавов – совсем не по сезону.

Куда она шла – неизвестно, пришла она – к смерти. И сейчас мне нельзя ошибиться. Я стал свидетелем, неслучайно случайным свидетелем – от меня ждут продолжения действий. Мой побег ничего не значил, он тоже был включен в план. Никого я не перехитрил – меня перехитрили.

Или решили таким способом вернуть назад.

Ну нет, это вряд ли, ведь погибла женщина. А это уже не призрачные сцены в призрачном доме, это настоящая смерть. Настоящая смерть, только что произошедшая на моих глазах. Последует ли за ней и моя смерть?

Мне нельзя ошибиться, никак нельзя! Но и сидеть целую вечность у дороги на корточках тоже невозможно. Я слегка шевельнулся для пробы, чуть-чуть повернул голову, ожидая повторения выстрела – успею его услышать или уже не успею, как быстро наступает смерть от прямого попадания в голову пули? Не услышал, потому что выстрел не прозвучал. Я привстал, но не осмелился разогнуться. Ничего, тишина. Почему я не слышал шагов? Потому что кричал, мой крик заглушал все возможные звуки. Сделал шаг, несмелый, шаткий. Кто эта женщина? В чем может состоять моя ошибка? Кто выжидает в темноте?

Он в черных очках, в бейсболке, в униформе курьера с бейсболкой на груди – курьер смерти. Вот сейчас я дойду до распростертого у дороги тела – он выйдет мне навстречу из темноты. Выйдет навстречу, протянет руку: «Привет, Ефим, извини, что подаю левую, правая занята». Ну да, правая занята – в правой у него пистолет. Что будет дальше? Если встретить ночью двойника на дороге... Была одна восточная легенда, но я не могу вспомнить, как она оканчивалась, не помню, что сделалось с путником, повстречавшим ночью двойника на дороге.

Я делаю новый шаг. Мне нельзя ошибиться, но нужно проверить: может, женщина только ранена, может, ей требуется моя помощь? Вон там, впереди, темнота сгустком, или мне только кажется? Есть там кто-то или нет? Человек в бейсболке поднимает левую руку для рукопожатия. Человек в черных очках поднимает правую руку для выстрела. Сгусток темноты – мое зеркальное отражение. Может, я сам двойник? Двойник того, кто в мае доставил пакет по адресу Ильина, 37... Двойник того, кто в чем-то в мае был виноват... Двойник того, кто однажды на дороге убил женщину. И тогда, что бы я ни делал, ошибка все равно неизбежна.

Я делаю еще один шаг, силой воли подавляю дрожь в ногах и делаю следующий. Все. Пора устроить привал. Достāju сигарету, закуриваю, стараясь не смотреть туда, где распростерлось тело, пока горит огонь зажигалки.

Выстрела не последует. Я выкурил сигарету, а ничего так и не произошло. Убийца ушел. Сделал свой единственный запланированный выстрел и скрылся. Мне ничто не грозит, я могу спокойно идти, я могу оказать ей помощь... Я наклоняюсь над женщиной – никакая помощь ей не нужна. Убита. Точным снайперским выстрелом в голову. Я тронул ее предплечье – рыхлое, еще теплое тело. Мне стало дурно, так дурно, что пульс нащупать не смог, я вообще не смог больше заставить себя к ней прикоснуться. Вон там стоит моя машина, спасительно горят фары, освещая дорогу... Сырой холодный октябрьский ветер быстро выстудит остатки жизненного тепла из этого мертвого тела. Мне нужно вернуться домой, скорее домой. Нельзя уходить от предписаний... Заберите меня отсюда, я не хочу! Я не могу оставаться на этой сырой и холодной дороге!

Глава 3

Гримасы безумца (Ефим Долинин)

Что это было? Обморок, новый сон, забытые сумасшедшего? Во всяком случае, в кювет я не съехал и не врезался в дерево. Очнувшись, обнаружил, что еду, довольно уверенно держу руль и еду вперед. Вот только никак не могу сообразить: вперед из города или вперед в город? Я снова в очках и бейсболке. Не помню, когда их надел. А может, и не снимал? Значит, я еду из города, все еще еду из города, и, значит, то, что произошло, не происходило в реальности. Это был обморок, сон, забытые сумасшедшего, все, что угодно, но не реальность. Да и как такое могло произойти на самом деле? Даже в обезумевшей реальности такому не может быть места. Мир строит гримасы – гримасы безумца, но и для сумасшедшего это перебор. Женщина в летнем платье, одна среди ночи на пустынной дороге – теплое рыхлое тело, сраженное выстрелом.

Теперь, один на пустынной дороге, я еду из города, чтобы потом, утром, когда-нибудь затеряться в толпе. Еду, чтобы внести в их стройный план ошибку, чтобы разладить его. Мне нужно скорее добраться до гостиницы, до той самой, где стулья скрипят, где мешает думать хмурый портье. Он, портье, – один из тех, кто обо мне заботится: думать действительно вредно, думать мне противопоказано, категорически запрещено. Это почти так же опасно, как составлять программы. Я устал, я хочу поскорее оказаться на ржавой койке с панцирной сеткой, через узкий проход чтобы спал мой собрат по безвыходности – ночь застала в пути, – близко, так близко, чтобы можно было слышать его дыхание, а когда станет особенно страшно, протянуть руку и ощутить тепло живого человека. Я устал, так устал. Дорожный знак...

Вот оно что! Я еду в город, назад, в город, никакой гостиницы мне не светит, и все, что было на дороге, случилось в действительности. Очередная гримаса безумца. Когда же я надел очки и бейсболку? Почему я этого не помню?

Я резко затормозил. Вернее, не я, а тот, кто едет в моей машине, – двойник двойника. Распахнул дверцу, выскочил на дорогу. Темно-серое мутное небо над головой, мокрый, скользкий асфальт под ногами. Но ни головы, ни ног я не ощущаю, словно ко мне они не имеют никакого отношения. Двойник, просто чей-то двойник, случайно воспользовавшийся моим телом. Что мне делать дальше, как от него избавиться? Как разрушить их план? Я пытался разрушить, уехав из города, но ничего не вышло, видно, это было предусмотрено заранее. Я знаю, как делаются такие штуки, я сам в свое время... Мне тогда не поверили, меня попросту осмеяли, но я-то ведь знал, я тогда даже произвел маленькую проверку практикой. Мои действия до сих пор, до этой самой минуты легко было рассчитать, потому что действовал я, в сущности, в рамках схемы. Значит, нужно попросту из нее выйти, сделать нечто нелогичное, выкинуть фортель. Например... Не то состояние, чтобы выкидывать фортели, у меня сейчас одно только желание: сойти с дороги, улечься в канаве и перестать существовать. Впрочем, я и так почти не существую. Да, нужно напрячься и сделать что-то. Перестать прислушиваться к своим ощущениям – отсутствию ощущений – и сосредоточиться на этом нелогичном поступке.

Да что может быть проще?! Этот поступок лежит на поверхности, нелогично вытекает из всей ситуации: я совершил побег из города на машине – меня завернули, теперь я совершу пеший побег, машина в наличии, в полной исправности, на ней так легко убежать, а я вот так нелогично вдруг отказываюсь от ее комфортабельных услуг. К рассвету доберусь до гостиницы, немного посплю, а вечером продолжу свой путь.

С размаху я захлопнул дверцу машины, кивнул на прощание своему транспортному средству (или тому, кто в нем остался, кто, как и я, ходит в черных очках и бейсболке?) и пошел по обочине дороги. Пошел, четко представляя себе цель – гостиницу. И довольно долго так шел,

бодро и целенаправленно, пока не понял, что опять обманулся: и этот вариант был просчитан – я снова угодил в ловушку повторений. Я иду по дороге точь-в-точь, как шла эта женщина, и, если какой-нибудь случайный водитель меня заметит, произойдет полное повторение.

Ужас вернулся, почти такой же, как там, у мертвого тела, но я продолжал идти, напрягая свой слух (не слышно ли шума мотора), напрягая зрение (не покажется ли там, вдалеке, свет горящих фар приближающейся машины). Я ехал навстречу женщине, значит, и «моя» машина должна выехать мне навстречу. Я ждал ее и страшно боялся увидеть. Я шел, целенаправленным взглядом уставившись в темноту...

Свет фар – это было сначала, и только потом – шум мотора. Все правильно: свет распространяется быстрее звука: сначала я увидел блеск молнии и только потом – после крика, после падения тела – услышал удар грома. Я продолжал идти, не сбавляя темпа, – ничего изменить невозможно. Машина приближалась. Машина приблизилась. Машина притормозила. Он в черных очках и бейсболке... Стекло поползло вниз. Водитель, довольно молодой парень, без черных очков и бейсболки, выглянул из окошка:

– Вам помочь? Что-то случилось?

Я шел, целенаправленно шел, не останавливаясь, не оборачиваясь. Я слышал, как хлопнула дверца его машины, я услышал шаги за спиной.

– Да остановитесь вы, черт возьми!

Бессмысленно! Он пытается меня догнать, не понимая, как это бессмысленно, – догнать меня невозможно, остановить меня невозможно, добиться ответа от меня невозможно, как невозможно дождаться, что тебе откроют дверь в доме, где играют на фортепьяно в октябре «Белые ночи», где лает собака, где отец и ребенок... Как невозможно добиться ответа от женщины в баре, волей несправедливой судьбы ставшей работником библиотеки... Как невозможно было остановить ту, другую женщину.

Шаги совсем близко. Вот сейчас выйдет из темноты человек в черных... Протянет мне левую руку, вытянет вперед правую... Вот сейчас прогремит выстрел...

Рука ложится мне на плечо. Голос у самого уха:

– Если вы псих, то наймите себе сиделку! Какого черта?!

Прикосновение, голос... Мрак сгустился, мрак завертелся волчком, мрак унес меня в долгожданный обморок.

* * *

Скованный темнотой неподвижности, парализованный неподвижностью темноты, я пребываю в неизвестном пространстве и не сразу могу определить, что пространство это – мокрый асфальт дороги. И когда я это определяю, обретает значение звук, назойливо, мучительно звучащий, – это человеческий голос, похожий на тот, который когда-то вот так же назойливо, мучительно звучал, но я ему не верил, – по сути похожий, по своему назначению. Этому голосу я тоже не склонен верить. Слов разобрать не могу, напрягаюсь изо всех сил – и не могу, может, поэтому и не верю? Зато вдруг совершенно отчетливо начинаю ощущать прикосновения – он, тот, кому, очевидно, принадлежит этот голос, ощупывает меня: касается предплечья, касается шеи... Хочет нащупать пульс? Я не смог, я испугался. Ее мертвое тело было теплым и рыхлым. Что она ощутила, когда я коснулся ее? Что ощущает он, касаясь меня? Снимает с меня очки... Зачем он это делает?!

Я открываю глаза, резко, как открывают дверцу машины, когда хотят спастись бегством. Лицо, расплывчатое, без индивидуальных пока еще человеческих черт, склонилось надо мной. Сфокусировалось, прояснилось. Улыбнулось.

– Ну, слава богу! – с облегчением выдохнуло воздух.

И я с облегчением вздохнул – наконец-то начал понимать смысл его слов.

– Вам лучше?

Молодой мужчина, просто обыкновенный парень, впрочем, лет на пять меня постарше. Озабоченно смотрит, кажется, искренне беспокоится. А он ведь догнал меня, смог догнать, смог остановить. Даже смог привести в чувство.

– Ну, как вы?

В отличие от меня. Я не смог, я так испугался – буквально пронзило ужасом. А он, оказывается, все же в очках, только не в черных, в простых. Довольно светлые волосы, худощавый, но крепкий. И лицо располагающее, вызывающее доверие. Расположиться, довериться?

– Черт! Я не понимаю... Как вы себя чувствуете? Занервничал, не дождавшись от меня: спасибо, все в порядке, – таких естественных слов в такой непростой ситуации. Напряженно вглядывается в мои насильно раздетые, лишенные очков глаза, стараясь увидеть в них картину моего состояния. Надо сказать что-нибудь, невежливо больше отмалчиваться.

– Все хорошо. Спасибо. Просто минутная слабость, эта дорога сводит с ума.

– Дорога сводит с ума? – Парень удивленно поднял брови, но тут же улыбнулся: вот я и отвечаю, говорю – значит, ситуация начала выправляться.

Я приподнимаюсь на локте. Он помогает. Общими усилиями мы ставим меня на ноги. Я стою, довольно уверенно, только голова немного трясется – это, конечно, скоро пройдет.

– Дойти-то сам сможешь? – вдруг неожиданно по-дружески грубовато спрашивает он – мне нравится, безумно нравится такой переход. Не задумываясь киваю, радостно киваю: я согласен идти с ним, таким грубовато-дружеским, хоть и не знаю, куда, собственно, меня приглашают.

Бережно обняв за плечи, парень тихонько ведет меня по дороге вперед. Неподалеку стоит его машина – к ней, наверное, мы и идем. Это лучшая цель – в моем положении, в моем представлении самая лучшая цель.

Как старика в инвалидную коляску, он осторожно усаживает меня на сиденье. Шарит в бардачке – можно ли мне так безгранично ему доверять? – чертыхнувшись, словно обжегся, достает что-то.

– Держи.

Холодная, плоская серебристая фляжка скользнула мне в руку.

– Да держи крепче, уронишь. Всего пара глотков, и почувствуешь себя лучше.

Я послушно сжимаю фляжку, но не могу сообразить, что с ней делать. Парень смотрит на меня с такой жалостью, словно я идиот – неуклюжий, слюнявый дегенерат. Забирает фляжку, отвинчивает крышку, снова протягивает мне.

– Глотни, полегчает.

Коньяк – как все просто! Отличный коньяк, и вряд ли отравленный. Мне действительно очень быстро полегчало, и так захотелось поверить этому парню, так захотелось переложить всю ответственность за безумства этой ночи, этого мира на его плечи. Довериться... Он улыбается, подбадривая, хлопает меня по плечу:

– Ну, Ефим Долинин, Почта России, рассказывай, что с тобой приключилось.

Вот и доверился! Плечо мое задрожало от ужаса и несправедливости – я весь задрожал и от страха пошел в наступление:

– Какого черта! Если вы знаете, кто я такой, какого черта спрашиваете? – Как же мне стало обидно на судьбу, не передать.

– Да ты что? – Он изобразил удивление. – Откуда мне тебя знать? – Засмеялся, притворяясь все тем же простым парнем, сверхчеловеком, который смог догнать, спасти, привести в чувство. – Просто моя мама в детстве научила меня читать. – Он ткнул мне в грудь пальцем, словно дулом пистолета, – грудь закаменела, я весь закаменел. И, закаменев, не сразу смог совладать с шеей, повернуть голову, посмотреть, куда он указывал.

Беджик! На груди моей беджик. Я ведь все это время оставался в форменной куртке с беджиком на груди. Потому что работа моя не закончилась в пять часов, потому что к восьми я пошел в дом, где музыка, относить эти проклятые письма. Потому что потом... Ну да, я и забыл, что все еще в форме. Только вот значит ли это, что я могу ему доверять?

– Вы ничего интересного не увидели на дороге? – в виде проверки, в виде испытания спросил я.

– Как же не увидел, еще как увидел! Знаешь, Ефим, не каждую ночь встречаешь на дороге человека в форме курьера и в черных очках. Честно говоря, сначала я принял тебя... Ну не важно.

– А до этого?

– Что до этого? До этого я боролся со сном – собственно, я третьи сутки в дороге, не спал в прошлую ночь.

– Вот именно! Я тоже не спал! И потому, когда ее увидел, подумал, что мне все снится. Это действительно походило на сон.

Я замолчал, покосился на парня – он ничего: довольно естественно изображал интерес и удивление. Продолжать? Рассказать? Нет, сначала нужно окончательно убедиться в том, что он просто случайный проезжий.

– Гроза в октябре – не правда ли, странное явление? Вы себе можете такое представить? Боковым зрением я внимательно наблюдал, как он отреагирует.

– Ты хочешь сказать, что была гроза? – Он высунулся в окно, задрал голову, рассматривая небо. – Нет, не похоже. Да и я ничего такого не заметил, хоть и был сонный. А вообще, мне один знакомый рассказывал, что наблюдал грозу – да что там наблюдал, еле пережил! – в середине января. И представь, в Средиземном море! Они с женой по путевке отправились в круиз по Средиземке и попали в страшный шторм. Жуткое зрелище: молнии сверкают, гром – и снег валит мокрыми, крупными хлопьями, да еще качает так, что на ногах устоять невозможно. И главное – от берега рукой падать, вроде и спасение близко, и ничего сделать нельзя.

– Да, это ужасно, – вежливо поддержал я, покивал и вдруг неожиданно, качнувшись к нему, выпалил: – На моих глазах только что убили женщину! – И отпрянул, испугавшись своей безрассудности. Он тоже от меня отпрянул, видно испугавшись моего безумства.

– Убили женщину? На твоих глазах? Только что?

– Ну, не только что. Не знаю. Полчаса назад, час. Я не смотрел на часы.

– А при чем здесь гроза?

– Гроза – это потом, сейчас не важно. – Я нетерпеливо махнул рукой. – Так что вы на это скажете?

Парень смотрел на меня в жалостливой задумчивости. Да что он меня за сумасшедшего принимает?!

– Ты мне не веришь? – Я тоже перешел на «ты», но не дружески, а наступательно.

– Верю, отчего же? – тоном закоренелого психиатра стал успокаивать меня он. – Расскажи, как это было.

Расскажу. Потому что мне просто необходимо это кому-нибудь рассказать, и лучше всего постороннему, человеку, с которым я больше никогда не встречу. Потому что ему рассказать не опасно: этот парень – просто проезжий, и это он вполне доказал. А психиатрический тон его – ну и черт с ним, с тоном: в конце концов, нет ничего плохого в психиатрах, они призваны приходить на помощь в таких вот сомнительных ситуациях, с которыми простому человеку справиться не под силу.

* * *

– Видишь ли, – начал я, и теперь мое свойское «ты» было именно свойским и дружеским: все, что я собирался рассказать, можно рассказать только другу, постороннему, и все-таки другу, – с самого начала меня поразило то, что шла она в летнем платье. Ночью, одна, на пустынной дороге, в летнем платье, совершенно не по сезону. Я думал сбежать... но об этом потом. В общем, я вынужден был бежать из города, и мне это почти удалось, а тут эта женщина. Она шла, целенаправленно шла по дороге. Я остановил машину, подумал, что ей нужна помощь, окликнул, но она меня даже не услышала. Тогда я вышел и направился за ней... Тут-то и прозвучал выстрел. Ты мне не веришь?

– Где все это произошло?

– Ну, точное место я указать не смогу. Где-то там. – Я махнул в сторону так и не достигнутой гостиницы. – Видишь ли, на какой-то момент я утратил... мне представилось... Я просто ехал. Сел в машину и уехал...

– Сразу после выстрела?

– Не... сразу. Я... Я к ней подошел... Убедился, что она мертва. А потом... я не очень помню. Я даже не сразу понял, куда еду: вперед или назад.

– Понятно, – парень усмехнулся, – потерялся в пространстве и времени. Такое бывает.

– Ты мне не веришь?

– Да верю, верю, успокойся. Глотни-ка еще коньяку.

Я безвольно принял у него из рук фляжку, сделал глоток – не потому, что хотел коньяка, а потому, что он хотел, чтобы я выпил и успокоился.

– И что, ты не слышал убегающих шагов, ничего в таком роде?

– Нет, не слышал, только звук выстрела.

– И конечно, ничего не видел?

– Кажется, нет.

– Что значит – кажется?

– Не знаю. Был какой-то сгусток темноты... это мог быть человек... я не уверен. Я испугался, ужасно, до безумия, испугался. Не потому, что я трус! Просто это ведь продолжение истории. Я хотел убежать, понимаешь? Но это оказалось невозможно. Они не дали мне убежать! И эта история никогда не закончится.

– Они?

– Долго объяснять. Хотя, пожалуй, я объясню. Расскажу, но сначала... Как ты думаешь, что все это может значить?

Парень опять усмехнулся, я внимательно следил за его реакцией, я очень не хотел, чтобы он все это воспринял как бред сумасшедшего, чтобы он меня сумасшедшим посчитал. Это было бы больно и страшно и совершенно безнадежно, словно тогда бы я уперся в тупик. Мне отчего-то казалось, что этот парень, именно этот парень способен мне помочь, в состоянии мне помочь, располагает такой возможностью. Когда-то у меня была потрясающая интуиция.

– Как была одета эта женщина?

– Да я же говорю, в летнем платье. В летнем, понимаешь?

– Это я понял, но как оно выглядело?

– Разве это важно?

– Думаю, да.

Черт возьми, он опять усмехнулся!

– Ну... – Я задумался. – Белое... во всяком случае, светлое, в темноте трудно было понять.

И на нем что-то... какие-то цветочки, что ли... Да, мелкие темные цветочки. И еще, – вдруг вспомнил я и ужасно обрадовался, что всплыла такая важная деталь, тогда я не обратил внимания, а сейчас отчетливо увидел, – воротник скрепляла брошка. Крупная такая, некрасивая брошка, кажется, из стекла. И туфли... – Меня понесло в воспоминаниях, я снова видел эту женщину, да так ясно, словно она снова шла, живая еще, по дороге, но теперь я ее рассматривал, внимательно рассматривал. – Нет, это были не туфли, а босоножки, белые, ну, или светлые. Спереди ремешки, каблук невысокий. – Я прикрыл глаза, чтобы перестать следить за реакцией моего информанта, чтобы ничто не могло отвлечь. – Волосы светлые, неухоженные, забранные в лохматый пучок на затылке. Вся она какая-то пожилая, несвежая – такими бывают старые девы, не нашедшие себя в работе, ты понимаешь, о чем я?

– Да, да, продолжай.

– Ноги толстые, рыхлые, и руки толстые и рыхлые, и на ощупь... Ты не можешь себе представить, какой это был кошмар! Палец провалился в теплую мягкую массу – жуткое ощущение! Как тесто. Нет, это такой материал, невозможный в реальности, фантастический, который и возникнуть может только во сне. Вообще все это и напоминало сон, воспринималось сном. И если бы не одно обстоятельство, я бы так и считал, что все мне просто приснилось.

– Какое обстоятельство?

– Да, собственно, не важно, это на уровне ощущений, ты вряд ли поймешь.

– Уж постараюсь. – Он пошарил в карманах, вытащил пачку сигарет, протянул мне. – Будешь?

Я взял, вдруг ощутив, что страшно хочу курить. Жадно затянулся, вспомнил, что у меня есть свои сигареты, почему же я не закурил раньше, если так хотел? Парень тоже закурил.

– Обстоятельство заключалось в том, – продолжал я, – что... Понимаешь, я ехал из города, а потом оказалось, что возвращаюсь. С чего бы еще мне было вдруг переменить свои планы? У меня имелись веские причины уехать. И потом, все было слишком ощутимо, нереальная ситуация, но я ее слишком прочувствовал. И все помню, как оказалось, до мельчайших деталей. Вот сейчас даже запах вспомнил: от женщины пахло какими-то стародавними духами и немного потом. В летнем платье, на улице не больше десяти градусов, а пахло потом.

– Да, детали, это интересно, но и такое бывает. Ладно, поехали.

– Куда? – Я растерялся.

– Как – куда? На место преступления, конечно.

Он развернул машину и, не дожидаясь моего согласия, поехал.

...Никакой женщины на обочине дороги не оказалось. Мы прочесали всю трассу, вплоть до ближайшего населенного пункта, – ничего и никаких следов. Подкатили к моей одиноко стоящей машине. Он зачем-то ее тщательно обследовал, проверил багажник, но, конечно, не нашел никаких фактов, подтверждающих мою правдивость, и никаких улик против меня.

– Ладно, замяли, будем считать, что все это мне привиделось, – сказал я, ужасно отчего-то расстроившись. – Спасибо за участие. Извини. – Сел за руль и хотел уехать, но он меня остановил:

– Подожди! Расскажи, почему ты бежал из города.

– В это трудно поверить, а сейчас, после того как... ты мне не поверишь уж точно.

Он стоял рядом, на дороге, наклоняясь ко мне через открытое окно, держась за дверцу, и, кажется, не собирался ее отпускать – даже в случае, если бы я вдруг дернул с места.

– Постараюсь поверить. Пойдем ко мне. У меня создалось впечатление, что твоя машина тебя пугает. Я отвезу тебя в город и позвоню в автослужбу – тебе пригонят автомобиль в целости и сохранности.

– Хочешь сказать, что я невменяем и машину вести не в состоянии?

– Да нет, просто так действительно лучше.

Мы пересели в его машину, снова закурили, он протянул мне фляжку и приготовился слушать. Но я долго не мог начать, не подбирались подходящие слова, ситуация мне самому опять стала казаться абсолютно нереальной.

– Знаешь, – проговорил парень, – так случайно вышло, до смешного случайно, что я как раз тот самый человек, который сможет решить твои проблемы.

Слова его прозвучали как-то зловеще или мне показалось? Почему мне так могло показаться, ведь я же сам думал, что именно он способен помочь?

Мнительность, болезненная мнительность, и ничего больше. Не стоит обращать внимания.

– Ильина, 37, – начал я и не удержался, проследил за его реакцией – никакой реакции не последовало. – Валуеву Анатолию Исаевичу, – продолжил и опять посмотрел, как он отреагирует – никак не отреагировал, – пришли четыре заказных письма. Одно за другим. – И замолчал, не зная, что еще прибавить, – главное и самое сложное я высказал.

– И что? – не выдержал он, когда мы в полном молчании почти одновременно докурили свои сигареты.

– Это было началом истории. Продолжение ты видел. Вернее, не видел, почему-то она исчезла. Продолжением была эта убитая женщина.

Он нажал на рычаг, машина плавно тронулась с места. Он мне ничего не сказал, совсем ничего – вздохнул и плавно пустил свою машину. И тогда меня прорвало, я ему все рассказал, сбивчиво, задыхаясь, но все-все, не упуская ни малейшей подробности. Мы въехали в город, а я все продолжал рассказывать. Он остановился у какого-то парка – гуща темноты и деревья, – но не прервал мой рассказ.

– И тогда я решил внести ошибку в их план – оставил машину и пошел пешком по дороге...

– В точности повторяя ситуацию с женщиной, переворачивая ее наоборот, на себя направляя, – перебил он вдруг меня – а до этого молчал, все молчал и слушал. И засмеялся. И зачем-то открыл бардачок, перегнувшись через меня. – Тут-то ты мне и попался!

Он смеялся, не останавливаясь, и рылся в своем бардачке. Я смотрел на его копошащуюся руку – чем-то она меня тревожила. И смех его тревожил. И последняя фраза. Что он там ищет? Что за бездонный ящик?...

– По-моему, мне пора представиться, – торжественно провозгласил он. В левой его руке был пистолет.

Глава 4

Дождь и пропавшие дети (Ирина)

Тревожным шепотом шелестит дождь. Хочется махнуть рукой и отогнать его, как надоевшего комара. Но руку поднять невозможно. И глаз открыть невозможно. А дождь все шумит и шумит, нагнетая тревогу. На мгновение стихнет и опять возвращается.

Вчера Ирина своим ребятам читала «Сказку о дожде» Беллы Ахмадулиной. Думала, что им понравится. День был тоже дождливый, как и сегодня. Но им стало скучно, словно читала она на совершенно непонятном языке. И не только младшие, но и старшие никак не восприняли стихов.

Дождь шелестит и никак не уймется. Надо заставить себя встряхнуться, встать, отогнать...

Вранье! Она и не надеялась нисколько, что эти капризные избалованные «элитные» дети воспримут стихи, – читала для одного только Антошки. Читала и следила за его лицом, надеясь, что вот сейчас, что вот наконец произойдет... Ничего не произошло! Как всегда, его лицо осталось абсолютно безучастным – непонятно, слышал ли он ее вообще.

Надо проснуться, но глаз открыть невозможно. Веки пропитались дождем, набухли и отсырели. И рук не поднять. Дождь просочился в помещение, дождь накрыл ее своим тяжелым сырмом покрывалом и не хочет отпустить. На губах проступила соль – она в плену у дождя.

Ерунда! Надо проснуться. Дождь не бывает соленым. Как море, как слезы. Надо проснуться! Какое право она имела заснуть? Элитная группа элитного сада – элитные дети этого не простят.

Страшным усилием воли Ирина заставила себя открыть глаза. Серый день, и действительно дождь за окном. Оттого и сонливость, так внезапно напавшая на нее. И все же совершенно недопустимо было вот так заснуть. Если кто-нибудь видел, можно считать, что работы она лишилась. Ирина с беспокойством оглядела комнату: слава богу, няни нет, может, все обойдется. Да она и спала-то минут пять, не больше. Сколько можно проспать сидя за столом, в такой неудобной позе?

Голова тяжелая и болит, и такое уныние наводит дождь. Осень вообще не ее время года, а в старости, наверное, будут болеть и суставы. Работа воспитателя ей никогда не нравилась. И эти дети ей не понравились с первого дня. И этот элитный детский сад, несмотря на высокую зарплату, не понравился. Только Антошка... Но до него она так и не смогла достучаться. Думала, сможет, никто не мог, а она сможет, у родной его матери не получилось, а у нее получится. Не получилось и у нее. Никаким стихам не под силу развеять этот вечный туман перед его глазами, никаким сказкам. Не реагирует, ни на что не реагирует. Сидит целыми днями в углу на стуле или на скамейке веранды, уставившись в пустоту. Что он там видит, о чем думает? Откуда у него такое недетское нежелание участвовать в жизни, да просто жить? Как растормошить его, как проникнуть в его душу, как понять? В последние месяцы, с тех пор, как Антошка появился в ее группе, это стало основной Ириной заботой – целью жизни. Почему? Она и сама объяснить не может. Чем-то трогает, до невыносимой боли в груди задевает ее этот ребенок. Маленький мученик. Он ненавидит солнце и боится дождя. Дети его сторонятся, детей он пугает. Почему он ничего не говорит, ни на кого не смотрит, никогда не играет – сидит неподвижно? А про солнце и дождь, возможно, она просто выдумала.

Сегодня он не пришел в детский сад. Так пусто и не хочется работать, скорей бы кончился день. У нее тяжелая группа, самая сложная во всем их сложном детском саду – все сплошь дети городской верхушки. И только Антошкин отец... Да наплевать ей на их родителей, и на

отца наплевать! Мать Антошкина с ним развелась, и правильно сделала. Разве можно жить с таким человеком? Ему убить что сплюнуть. Из-за него и Антоша...

Откуда ей знать, из-за чего Антошка такой? Да и про отца его она, по существу, ничего не знает. Ну, крутой бизнесмен – олигарх местного пошиба.

В конце концов, это совершенно не ее дело. Просто ребенка жалко до слез. И себя жалко до слез, что так и не смогла до него достучаться, что Антошка так и не стал «ее» ребенком... И вот он не пришел, и работать не хочется. И вчера поссорилась с мамой, и ей уже двадцать восемь, и все кругом замужем... Да еще этот дождь. Как же не хочется подниматься!

Не хочется, но надо. Заглянуть в спальню, проверить, как там они, эти элитные? Какому дураку пришло в голову поместить всех детей самых крутых родителей в одну группу? Возраст разный – от трех до шести, с ними так тяжело! Смотрят на тебя, будто хотят сказать: все, милочка, вы уволены, подыскивайте себе другую работу. Да она бы с удовольствием ушла! Только некуда уходить. Все в ее жизни не так! Неудачница с самого рождения.

Ирина подошла к двери спальни, прислушалась. Странно, что у них так тихо. Абсолютная тишина, только дождь шелестит. Приоткрыла дверь, заглянула. Полумрак – день пасмурный, и шторы спущены. Но почему же так тихо?

Она уже видела, что кровати пусты, все кровати пусты, но не хотела понять очевидного, кошмара, который на нее опустился, принять не могла. Стояла, смотрела на пустые детские кроватки и придумывала злые объяснения: элитные затеяли новую шутку, вконец извести ее хотят. И сделала вид, что шутку она принимает, и вдруг включилась в нелепую игру: с дурацкими прибаутками, с идиотским смешком стала заглядывать под кровати. И, осознав, что кошмар навалился, продолжала, хихикая, звать. И продолжала себя уговаривать: детишкам захотелось поиграть в прятки, завтра же она уволится к чертовой матери. Все, проиграла, никто не найден, значит, снова водить. И принялась обследовать умывальную, туалет, душевую. И выглянула в окно – конечно, они просто сбежали на улицу, сорвали тихий час, им все можно. И в отчаянии опустилась на одну из кроватей, не понимая, почему нянечка, Марина Петровна, стоя на пороге спальни, зевает во весь рот и потягивается, будто со сна.

– Нет никого, – проговорила Ирина еле слышно. – Совсем никого.

Дождь застучал в стекло, надрывно. Няня зачем-то подняла с пола подушку. Это подушка Кирюши, он всегда во сне ее сбрасывает. Села на кровать напротив Ирины, опять зевнула.

– Вы слышите? Дети пропали. Все, до единого.

Марина Петровна смотрела, не понимая, с каким-то оглушенным выражением лица.

– Их нигде нет. Нужно вызывать милицию.

– Нет! – вскрикнула няня, внезапно пробудившись от странного оцепенения. – Нужно позвать охранника.

Вчера, когда она читала детям – одному только Антоше – «Сказку о дожде», ей все представлялось: вот дочитает, мальчик поднимется, подойдет, посмотрит на нее серьезно, с недетским уважением и спросит: «Это ваши стихи?» А она рассмеется, обнимет его: «Ну что ты! Если бы я писала такие стихи, мы бы с тобой никогда не встретились, потому что я не попала бы в детский сад, не стала бы воспитательницей. Это было бы и хорошо и плохо». Антошка ей улыбнется и, совершенно излечившись, выйдет с веранды под дождь.

Ничего не произошло. Он остался, как всегда, ко всему безучастен. А сегодня такой вот кошмар.

– Ну что же вы сиднем сидите, Ирина Семеновна? Надо что-то делать!

Ирина поднялась, бросила на нянечку тоскливый взгляд и пошла за охранником.

Он сидел в стеклянной будке в вестибюле, вид у него был какой-то ошарашенный. Зевнул во весь рот, посмотрел на часы, пожал могучими плечами, приставил часы к уху.

– Сергей!

Охранник глянул на нее удивленно и снова уставился на часы.

– Ничего не понимаю! Спешат они, что ли? – пробормотал он. – Пять часов. Как такое может быть?

– Сергей! У нас дети пропали. Вся группа!

– Который час, Ирина Семеновна? – Охранник повел головой из стороны в сторону, как будто у него болела шея.

– Не знаю. Ты меня слышал, дети пропали!

– Я думал, тихий час еще не кончился, а у меня пять. – Он ткнул в циферблат. – Странно. И тихо. Действительно заспешили. Дорогие часы, хорошо, что гарантия не истекла. Надо будет пойти...

– Черт возьми! Очнись ты, в конце концов! У нас беда! Все дети исчезли. Я зашла в спальню, а там никого. Ты понимаешь меня или нет?

– Дети? – Сергей поднялся, посмотрел на нее недоверчиво, криво улыбнулся. – Шутите?

– Да какие тут шутки!

Охранник сквозь зевок опять улыбнулся, блажен но-рассеянно, не понимая.

– Ты спал! – уличила она его и от возмущения захлебнулась, забыв, что ведь и она спала, а проснувшись, испугалась разоблачения. – Ты спал, а дети пропали. Уснул, пренебрегая своими обязанностями, и теперь...

– Не рассказывайте заведующей, – сказал он ее, но как-то рассеянно, без испуга, без просьбы в голосе. – Не поднимайте шума, мы сейчас что-нибудь придумаем. Сейчас, сейчас... У меня голова что-то... – Сергей поморщился и с силой потер лоб. – Но вы не волнуйтесь, они не могли пропасть, это невозможно. Садик прекрасно охраняется, повсюду камеры слежения...

– Я вижу, как он охраняется! – взвизгнула Ирина. – Охранник дрыхнет без задних ног...

– Тише, тише! Я сейчас, я быстро. Присядьте пока.

Ирина в бессилии опустила на стул. Сергей склонился перед монитором. Конечно, во всем виноват только дождь, усыпляющий осенний дождь, охранник ни при чем, зря она на него напустилась. Вот и ее опять клонит в сон, и так трудно с этим бороться. Даже беспокойство за детей не помогает, даже злость на недобросовестного охранника. Да что там, дети, конечно, найдутся, куда им пропасть из прекрасно охраняемого детского сада? Поспать бы часок... Обман зрения, обман слуха и зрения изза этой сонной мути. Вот сейчас Сергей выведет на монитор ее группу, и морок рассеется: восемь детских кроваток обретут своих спящих хозяев. Нет, не восемь, а семь – Антошку сегодня не привели. Дверь группы напротив (номер два, «Веселые человечки») открылась порывисто, будто распахнул ее сквозняк, в проеме возникла растрепанная и вся какая-то потерянно-удивленная воспитательница Анна Григорьевна. Она оглядела холл, увидела Ирину, отчего-то обрадовалась и зашептала громким восторженно-потрясенным шепотом:

– Ириш, иди сюда! Скорее, скорее! Я с ума сойду! Ну, скорее же!

– Что случилось? – спросила Ирина и не тронулась с места – так лень было шевелиться, и к чему ей чужие заботы, со своими бы разобраться.

– Ну иди же, иди! У нас ЧП!

Анна Григорьевна подскочила к ней, потянула за плечо. Ирина бросила беспокойный взгляд на Сергея – он все еще колдовал у монитора, не торопясь выносить приговор. Да что она ее тянет? Ее место сейчас здесь, она просто не имеет права покидать свой пост, пока все не разрешится.

– Идем! Ты мне поможешь, а?

Пришлось подчиниться и последовать за этой настырной старой дурындой.

– Что там у вас стряслось? – раздраженно спросила Ирина, когда они вошли в раздевалку группы.

– Дети! – Анна Григорьевна потянула ее дальше. – Пойдем, ты сама сейчас все увидишь.

– Дети? Пропали? – Ирина почувствовала вдруг такое облегчение, что улыбнулась раздражавшей ее коллеге: значит, не у нее одной пропали дети, творится нечто такое, за что она просто не может нести ответственность.

– Нет, почему пропали? – разочаровала ее Анна Григорьевна. – Они спят.

– Спят? – Ирина с ненавистью посмотрела на пожилую воспитательницу. – Что же тогда вы от меня хотите?

– Я тоже уснула, – снова переходя на шепот, поведала Анна Григорьевна и покачала головой, со значением покачала, словно этот жест мог все разъяснить.

– И что?

– Зина, наша няня, до сих пор никак не проснется. Я уж ее будила, будила.

– Но я-то что могу сделать?! – окончательно выходя из себя, выкрикнула Ирина. Получилось неожиданно громко в этой необыкновенной, какой-то застоявшейся тишине.

– Понимаешь, я вдруг проснулась... То есть... – Анна Григорьевна виновато улыбнулась, – я вдруг почувствовала, что сплю и что спать мне нельзя, но никак не могу проснуться. Все-таки заставила себя открыть глаза, смотрю, сижу на детском стульчике, голова уперлась в подоконник. Мне снился такой хороший сон! Огромный букет сирени... Ты не знаешь, к чему снится сирень? И так тепло, солнышко светит, я будто на даче, но не у нас, а...

– Я не знаю, к чему это снится!

– Ну вот, просыпаюсь я и вижу, что сижу на стульчике, вот здесь, – она кивнула на ряд стульев у окна, – а на стене, прямо передо мной, часы, глянула и просто обомлела – начало шестого! В четыре мы детей поднимаем, а тут начало шестого. И тишина такая! Бросилась в спальню – а они спят. Принялась их будить – не просыпаются. И няня спит, и тоже разбудить ее невозможно. Испугалась я, понимаешь? Пошла за врачом и тут тебя встретила. Пойдем, сама сейчас все увидишь. – Анна Григорьевна опять ухватила ее за плечо и насильно потянула в спальню.

Дети действительно крепко спали, но ничего необычного в самом их сне не было: дыхание спокойное, ровное – девять раздумявшихся здоровых ребятишек – картина, призванная умилять, но никак не беспокоить. Острый приступ зависти к своей счастливой коллеге охватил Ирину: ей-то хорошо, ее-то дети на месте.

– Что скажешь? – Анна Григорьевна с тревогой заглянула ей в глаза.

– Да ничего! – взорвалась Ирина. – Спят и спят. Проснутся.

– Но ведь шестой час давно!

– Погода такая. Дождь и вообще. Осень, конец сентября.

– Вчера тоже шел дождь, – не унималась Анна Григорьевна. – Господи! Ну за что это мне? Что же теперь делать?

Ирина пожала плечами и, ничего не ответив, вышла из комнаты.

Сергей сидел у монитора, обхватив голову руками в каком-то необъяснимом отчаянии. Он даже не заметил, как подошла Ирина, а когда она заговорила, вздрогнул – такой уравновешенный, самоуверенный охранник, стальные нервы, могучие мышцы.

– Как у тебя дела? – осторожно спросила она, встревоженная его испугом.

– Я ничего не понимаю, Ирина Семеновна! – как-то по-детски всхлипнув, жалобно проговорил он. – Уму непостижимо! Мистика какая-то! Кто бы рассказал, не поверил.

– Да что там такое? – Ирина нетерпеливо отодвинула охранника, сама уставилась в монитор. Серые неясные очертания помещений, словно сквозь слезную муть.

– Вот видите, видите!

Она ничего разглядеть не могла, но согласно кивнула.

– Как это объяснить? – изводился под боком охранник. – Весь детский сад – сплошной замок Спящей красавицы. Все спят, даже повара на кухне!

– Серый гипноз дождя, – проговорила Ирина нараспев, сама не понимая, почему она это сказала.

– Да при чем здесь дождь? Это ненормальное что-то – такой повальный сон! Но дело не только в этом. Главный ужас не в этом! Камеры, как видите, исправно работают и работали все время, могу поклясться! А между тем пропало три часа! Три часа жизни пропало, исчезло, испарилось – не зафиксировали камеры эти чертовы три часа, понимаете?

– Нет, не понимаю. – Ирина сонно покачала головой. Напряжение отчего-то спало, она больше ни о чем не беспокоилась, ей стало все равно: уволят с работы, посадят – в сущности, совершенно не важно.

– Да как вы не понимаете?! – рассердился Сергей. – Исправно работающие камеры не зафиксировали исчезновения детей. Они вообще ничего не зафиксировали! Вот смотрите. – Охранник пощелкал кнопками на пульте, картинки на мониторе послушно переменились. – Дети возвращаются с прогулки: первая группа, вторая, третья, четвертая – двенадцать часов. Раздеваются, идут в умывальник, обедают. В час их укладывают спать. Вот ваша группа, смотрите, смотрите. Полвторого – все крепко спят, и вы в том числе, весь садик погружается в спячку. Но дети на месте, ничего не происходит. Но вот посмотрите – полпятого: кровати пусты, а где эти чертовы три часа с полвторого до полпятого, неизвестно.

– Кто-то пробрался, всех усыпил – пустил газ или еще что, – выкрал детей, стер пленку, – лениво предположила Ирина.

– Да в том-то и дело, что это невозможно! Допустим, пленка стерта с полвторого до полпятого, но как этот кто-то мог вообще проникнуть на территорию садика, почему камеры ничего такого не зафиксировали? Да и что такое «пустил газ»? Как вы себе это представляете?

– Я видела в одном фильме...

– Ерунда! И потом... Он сначала бы прошел и пустил, но камеры бы, во-первых, зафиксировали...

– Вот он и стер этот момент.

– Во-вторых, мы-то бы помнили, во всяком случае я помнил бы, что кто-то вторгся и, ну хорошо, пустил газ. И не только помнил бы, но успел поднять тревогу сразу, как только увидел. А так... Я не могу этого объяснить, совсем не могу! Мистика!

– Оставь, при чем здесь мистика? Я уверена, всему найдется совершенно реальное объяснение. Надо вызвать милицию. Но сначала всех разбудить.

– Да они уже и сами начали просыпаться. – Охранник кивнул на монитор.

* * *

Прибывшая милиция сразу же отвергла мистические объяснения и бросилась искать реальные. И в довольно короткий срок – уже к семи часам вечера – достигла существенных результатов. Выяснилось, каким образом весь коллектив детского сада был погружен в загадочную спячку, как злоумышленникам удалось проникнуть в помещение, да и мистическое исчезновение времени нашло вполне реальное объяснение. У детей и персонала была взята кровь на анализ – и у всех без исключения обнаружилось наркотическое вещество не до конца исследованной этиологии. Попало оно туда вполне простым путем: в течение недели сотрудники и дети принимали таблетки против гриппа в профилактических целях, а сегодня они были, судя по всему, подменены снотворным. Принимали их во время обеда, в час дня, так и получилось, что к половине второго они подействовали. Правда, сами таблетки найдены не были, они просто исчезли из шкафчика медсестры. Исчез и документ, обязывающий провести профилактику против гриппа с пятнадцатого сентября, но врач клялась, что таковой имел место быть и еще сегодня утром она, приводя в порядок бумаги, его видела: вот тут он лежал, в этой папке. Навели справки в управлении здравоохранения. Выяснилось, что никакой эпи-

демии гриппа в городе нет и не ожидается и в садик никто никаких документов подобного рода не присылал. То есть все было подстроено. Медсестру и врача задержали до выяснения соучастия в преступлении.

После того как персонал и дети благополучно уснули, было отключено электричество, таким образом камеры перестали работать. У детского сада имелась своя компьютеризированная, оборудованная по последнему слову техники подстанция – в целях безопасности и бесперебойной подачи электроэнергии. Перестраховались, а в результате это и сыграло на руку злоумышленникам – отключить автономную подстанцию проще и безопасней: обесточился один только садик, никто не поднял паники, никто не принялся названивать в горэнергообл. По окончании операции электричество включили, и камеры вновь заработали.

Совершению преступления способствовало и то обстоятельство, что садик находился в лесопарковой зоне, то есть стоял на отшибе.

Таким образом, картина преступления была следствию ясна: персонал и детей усыпили, отключили электричество (камеры), выкрали детишек, снова пустили подстанцию. Но совершенно неясным оставался вопрос: зачем были похищены дети? Целая группа детей, и одна только эта группа. Следствие зашло в тупик по этому вопросу окончательно, когда выяснилось, что единственный отсутствующий в этот день ребенок, Антоша Гриценко, тоже был похищен. В пять часов вечера, в концертном зале, куда он пошел с матерью, во время антракта.

Родители пребывали в панике. Из садика до девяти вечера никого не выпускали. Воспитатели, нянечки, заведующая и даже охранник, после того как дали показания, постоянно находились с ними и пытались родителей успокоить, но что они могли, когда и сами-то были в состоянии почти истерическом.

* * *

Следующий день был сухим и ясным, дождь прекратился. В центре города в парке имени Пушкина была обнаружена группа пропавших детей, живых и невредимых. Встрече с родителями они не очень обрадовались, потому что просили – все в один голос – вернуть их назад к теплему, ласковому морю, где провели вчерашний день – незапланированные, но совершенно роскошные каникулы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.